

Александр МУСИН

**НЕКОТОРЫЕ МЫСЛИ, ВОЗНИКАЮЩИЕ ПОСЛЕ
ПРОЧТЕНИЯ НОВЫХ КНИГ. ОБ “ОЧЕРКАХ НАЧАЛЬНОЙ
РУСИ”, СОСТАВЛЕННЫХ АЛЕКСЕЕМ ПЕТРОВИЧЕМ
ТОЛОЧКО** Толочко А. П. Очерки начальной руси. – Киев;
Санкт-Петербург: Лаурус, 2015. – 336 с.

Es ist schon alles gesagt, nur noch nicht von allen
Karl Valentin

Сложно, да, наверное, и ненужно откликаться рецензией на книгу, “брендовая”, если не главная идея которой позаимствована у именитого предшественника без всякого упоминания чужого авторства. В научном лексиконе для случившегося есть определение – плагиат. Знакомство с новой книгой Толочко-м.л., который составил “очерки начальной руси”, позволяет задуматься, в какой мере вышесказанное относится к перелистываемым страницам.

Книга выпущена издательством “Лаурус”, по совместительству публикующим ежегодник средневековой истории и археологии Восточной Европы, редактируемый, в том числе, и составителем “очерков”¹. Представляя себя, издательство не преминуло указать, очевидно, – в сознательно культивируемой имперской ностальгии, что его окна смотрят “на Киевский Императорский университет Святого Владимира, известный теперь как Национальный университет имени Тараса Шевченко”. “Лаурус” претендует на то, что выпускает “убедительные книги по истории”, и позиционирует себя как площадку для общения тех, кто придает “смысл культурной жизни” Украины². По самоопределению, оно “стилистически ориентируется” на небольшие западные университетские издательства. Будучи знакомым с жизнью таковых, могу предположить: они изрядно удивились бы, узнав, что вдохновили киевских “коллег” на публикацию книги, основные идеи которой не связаны своим происхождением с именем автора на обложке.

Еще до выхода “очерков” на ряде сайтов появились рекламные выдержки из них, имевшие целью заинтриговать будущего читателя в надежде вовлечь его в товарно-денежные отношения. В частности, были опубликованы две главы, которые автор или его менеджеры сочли наиболее “продаваемыми”, читай – оригинальными: “Откуда есть пошла земля Нормандская” и “Почтенная Ост-Европейская компания”.

¹ Ruthenica. Щорічник середньовічної історії та археології Східної Європи. – Київ: Інститут історії України НАН України; Laurus, 2002. Ко времени, когда первый номер этого издания увидел свет, в международном интеллектуальном пространстве на

протяжении более десяти лет уже существовала другая “Ruthenica” – издаваемый с 1991 г. русский малакологический журнал, посвященный жизни мягкотелых (<http://www.ruthenica.com/>; [ISSN 2307-7336 (Online), ISSN 0136-0027 (Print)]).

²<http://laurus.me/>

Выбор оказался безупречным, оголив перед читателем составительский замысел. Согласно ему, сочинение Дудона Сен-Кантанского (*Dudon de Saint-Quentin*) *De moribus et actis primorum Normanniae ducum*³, еще в XI в. задававшегося вопросом о происхождении “Нормандской земли”, содержит в себе столько же достоверного, сколько и Повесть временных лет, вышедшая в начале XII в. из-под пера Сильвестра Выдубицкого, т.е. ничего. Соответствующие страницы “очерков” пронизаны убеждением, что труд Дудона уже больше двух столетий сдан в архив, где и пылится на полках, – сегодня якобы невозможно встретить исследования по истории Нормандии, основанные на сюжетах средневекового автора. Составителю желательно, чтобы подобная судьба постигла “красочную летописную повесть о странствиях народа русь и его князей из Скандинавии в Киев” начальной русской летописи.

Не менее свежим для читателя, “неиспорченного” знакомством с историографией вопроса, выглядит и намерение изобразить русь IX–X вв. частной торговой компанией, напоминавшей заморские коммерческие предприятия Нового Времени, вроде “Компании Гудзонова залива” или “Ост-Индской компании”. Согласно составительскому эскизу, русы X в. были организованы в сообщества более локального масштаба, чем принято считать, а необходимая для государства территория заменялась контролируемой “ресурсной зоной”. В основу их жизнедеятельности был положен не политический суверенитет, а поиски экономической выгоды, эксплуатация ресурсов и рынков. Однако, несмотря на это, “Ост-Европейская компания” или “компании” пытались представить себя при дворах тогдашних европейских правителей как политическое образование, сопоставимое со статусом средневековых держав.

Не может быть сомнений, что начитанность позволяет составителю видеть пределы предлагаемых аналогий, по собственному признанию, – намеренно дерзких в расчете “максимально резко” обнажить “главные черты первых ста лет существования раннего Киевского государства”, в описании которых преподаваемая в школах история решительно не совпадает с историографическими образами “очерков”.

Однако непредвзятое, а стало быть – независимое от прочтения “очерков” знакомство с брендовыми идеями “новой истории руси”, эксплуатируемыми как интеллектуальный ресурс, способно разочаровать взыскующего читателя, рассчитывавшего встретиться на страницах книги с самостоятельными и оригинальными подходами. Так, даже беглый обзор современных исследований, посвященных становлению герцогства Нормандского в X–XI вв., позволяет иначе взглянуть на роль и значение средневековых трудов в понимании этого процесса, нежели предлагают “очерки”. При знакомстве с историей европейских народов не стоит безоглядно доверяться содержанию переводных трудов или англоязычных сочинений предшествующих поколений. В противном случае можно было бы заметить не отказ от использования сочинения Дудона Сен-Кантанского, а его реабилитацию и новое обретение средневековой нормандской историографии в исследованиях таких коллег, как Пьер Бодуэн, Магали Кумер, Пьер Буэ, Жак Ле Мао и др.⁴

³ *Dudon de Saint-Quentin. De gestis Normanniae ducum seu de moribus et actis primorum Normanniae ducum* / J. Lair (éd.) // *Mémoires de la Société des antiquaires de la Normandie*. – Caen, 1865. – Т. 23.

⁴ *Bauduin P. La première Normandie (X^e–XIe siècles). Sur les frontières de la haute Normandie: identité et construction d'une principauté*. – Caen, 2004 (2e éd.: 2006); *Bouet P. Les négociations du traité de Saint-Clair-sur-Epte selon*

Действительно, Дудон долгое время рассматривался позитивистски настроенными историками, например, Люсьеном Мюссе, как автор, совершенно бесполезный для науки, а само сочинение оценивалось как “невероятно пустая и многословная риторика”⁵. Однако оказалось, что оно содержит не только важнейшие свидетельства о формировании облика Нормандии в конце I тыс. н.э., но и объясняет, как норманнские переселенцы во главе со своими вождями смогли утвердиться в местной франкской среде. Труд Дудона сегодня во многих отношениях признается заслуживающим большего внимания, нежели полагали раньше⁶.

Читатель, решивший ознакомиться с книгой с первых страниц, не мог не заметить ремарки составителя: “отсутствие той или иной работы среди ссылок не означает, разумеется, что ‘автор не учел’ или ‘автору осталось неизвестно’. Автору осталось известно”. Не стоит ли в таком случае предположить, что нас сознательно вводят в заблуждение относительно исторической ценности сочинения Дудона Сен-Кантанского и его роли в современных исследованиях по истории Нормандии?

Впрочем, “казус Дудона” – вопрос методологический, оставляющий на совести историка как выбор читаемых им текстов, так и способ прочтения. В основе же составительского видения прошлого Восточной Европы лежит вполне онтологический образ “почтенной Ост-Европейской компании”. Однако эта запоминающаяся аналогия сообщества русов, шокирующая неискущенного читателя своей несхожестью с “большим нарративом” национальной истории, будь он украинский или российский, составителю не принадлежит. Тем не менее, читатель будет все же искать имя ее автора в тексте книги, примечаниях и указателе...

Этого имени там нет. А между тем автор – существует. Это Ричард Пайпс (*1923), профессор Гарвардского университета, который написал в своем сочинении о “старорежимной” России по поводу раннего Киевского государства буквально следующее: “Lest, however, the name ‘Kiev state’ evoke the image of a territorial entity familiar from Norman history of France, England or Sicily, it must be stressed that it was nothing of the kind. The Norman state in Russia rather resembled the great merchant enterprises of seventeenth- and eighteenth-century Europe, such as the East India or Hudson’s Bay companies, founded to make money but compelled by the absence of any administration in the area of their operations to assume quasi-governmental

Dudon de saint-Quentin // La progression des Vikings, des raids à la colonisation / A.-M. Flambard Hericher (éd.) // Cahiers du Groupe de Recherche d’Histoire. – Rouen, 2003. – №. 14. – P. 83–103; *Mathey-Maille L.* Ecritures du passé. Histoires des ducs de Normandie // Essais sur le Moyen Age. – Paris, 2007. – [Т.] 35; *Coumert M.* Les récits d’origine et la tradition historiographique normande // L’Historiographie médiévale normande et ses sources antiques. Actes du colloque de Cerisy-la-Salle et du Scriptorial d’Avranches (8–11 octobre 2009) / P. Bauduin, M.-A. Lucas-Avenel (dir.). – Caen, 2014. – P. 137–154; *Le Maho J.* Francs et Normands avant 911: les dessous d’une réécriture // 911–2011. Penser aux mondes normandes. Actes du colloque de Cerisy-la-Salle (29 septembre – 2 octobre 2011) / D. Battes, P. Bauduin (dir.). – Caen, 2016. –

P. 29–52. Ср.: *Pohl B.* Dudo of Saint-Quentin’s *Historia Normannorum: Tradition, Innovation and Memory.* – York, 2015. Этот список может быть продолжен.

⁵ *Musset L.* Les invasions. 2e éd. – Paris, 1971. – Т. 2: Le second assaut contre l’Europe chrétienne (VIIe–XIe siècles). – P. 109.

⁶ С конспектом этой новой историографии составитель мог познакомиться в издании на русском языке, наверняка стоящим на полках фамильной библиотеки: *Бодуан П.* Становление герцогства Нормандского в Руане: современное состояние проблемы и перспективы сравнительных исследований // Диалог культур и народов средневековой Европы. К 60-летию со дня рождения Е. Н. Нова: сборник статей / Н. В. Хвоцинская, А. Е. Мусин (ред.-сост.). – Санкт-Петербург, 2010. – С. 224–238 (здесь с. 227).

responsibilities”⁷. Читатель сам способен составить представление о степени зависимости образности и терминологии “очерков” от приведенного пассажа, каждое слово которого заимствуется и интерпретируется составителем.

В данном случае вести речь о творческом “развитии” гипотезы Р. Пайпса невозможно: не только потому, что умолчание имени автора этой аналогии некоторым образом приписывает ее “отцовство” самому составителю, но и потому, что страницы, написанные на основе созданного в Гарварде образа, являются не критическим обоснованием уже сказанного, а всего лишь многословным парафразом.

Сравнение, придуманное Р. Пайпсом, вообще с трудом приживалось в исторической науке. Не воспользовался им и Омелян Прицак (1919–2006), посвятивший одну из своих фундаментальных работ, по собственному признанию, “выяснению державотворчої ролі торговців” (state-building role of merchants / foreign international traders) в Восточной Европе, где государства зачастую основывались “не місцевим населенням”⁸. Он, задолго до составителя, с похожим пафосом освобождения от предшествующей историографии⁹, писал и про отсутствие этничности в раннем средневековье¹⁰, и про определяющую роль работоторговли в сложении раннесредневековой экономики¹¹, и про “харизматичні клани” (charismatic clans), “торговельне товариство Rus” (Rus’ company) и прочие “торговельні об’єднання” (trading companies, business emporia), и про подразумеваемую между ними конкуренцию и значение частной инициативы¹², избегая, однако, модернизирующих аналогий Р. Пайпса, выглядящих красивыми, но оказывающихся некорректными. Имя О. Прицака, безусловно, упоминается на страницах “очерков”, однако отнюдь не там, где за витиеватым плетением фраз спрятаны сухие тезисы предшественника¹³.

⁷ Pipes R. *Russia under the Old regime*. – New York, 1974. – P. 31. В опубликованном переводе это звучит так: “Понятие “Киевское государство” может привести на ум территориальную общность, известную из норманнской истории Франции, Англии и Сицилии, однако следует подчеркнуть, что ничем подобным оно не было. Варяжское государство в России напоминало скорее великие европейские торговые предприятия XVII–XVIII в., такие как Ост-Индская компания или Компания Гудзонова залива, созданные для получения прибыли, но вынужденные из-за отсутствия какой-либо администрации в районах своей деятельности сделаться как бы суррогатом государственной власти”. См.: *Пайпс Р.* Россия при старом режиме / Пер. с англ. В. Козловского. – Москва, 1993. – С. 48. У Р. Пайпса, впрочем, были предшественники в России, без сомнения ему знакомые и потому – цитируемые, ср. определение, данное присутствию скандинавов в Восточной Европе почти столетием раньше: “разбойничья торгово-промышленная колония варягов”. См.: *Пресняков А. Е.* Княжое право в Древней Руси: Очерки по истории X–XII столетий. Лекции по русской истории: Киевская

Русь / М. Б. Свердлов (подгот. текста, ст. и примеч.). – Москва, 1993. – С. 292.

⁸ Прицак О. Походження Русі: стародавні скандинавські джерела (крім ісландських саг) // Київська бібліотека давнього українського письменства. Студії. – Київ, 1997. – Т. 4. – С. 83. Ср.: *Pritsak O.* The origin of Rus’. – Cambridge (Mass.), 1981. – Vol. 1: Old Scandinavian sources other than the sagas. – P. 17.

⁹ “Пропоноване в цій праці вирішення не має нічого спільного з тою безплідною дискусією (норманістів и антинорманістів – А. М.), воно засноване виключно на історичних критеріях і вкладене в ширший контекст світового розвитку”. См.: *Прицак О.* Походження Русі. – С. 101. Ср.: *Ejusdem.* The origin of Rus’. – P. 32–33.

¹⁰ Прицак О. Походження Русі. – С. 95; *Ejusdem.* The origin of Rus’. – P. 27.

¹¹ Його ж. Походження Русі. – С. 91; *Ejusdem.* The origin of Rus’. – P. 23–24.

¹² Його ж. Походження Русі. – С. 94–95; *Ejusdem.* The origin of Rus’. – P. 26–27. Авторизований український переклад его книги куда более эмоционален и терминологически развит, нежели английский оригинал.

¹³ В этом смысле Василию Ключевскому (1841–1911), автору теории “торгового про-

Когда составитель “очерков” был студентом, Р. Пайпс считался в СССР “главным антисоветчиком”, а О. Прицак – “буржуазным националистом”. Цитировать их было небезопасно, да и не все могли познакомиться с их трудами. Нынче иные времена, “антисоветчик” переведен на один из восточноевропейских языков, этот перевод неоднократно издавался¹⁴, умолчание имени автора не может быть результатом самоцензуры. И, конечно же, совершенно невероятно, чтобы такое опущение стало следствием уверенности, будто кроме составителя Р. Пайпса никто не читал.

Также не может извинить умолчание о Р. Пайпсе имеющееся в книге предупреждение: она – якобы “не научная монография”, а литературно оформленный курс лекций, некогда читанных в Киево-Могилянской академии, что вроде бы допускает известную степень компилятивности и определенную вольность в построении научного аппарата, именуемых здесь отсутствием “исчерпывающей библиографии”.

Не извиняет составителя и предусмотрительность: так, он “ставит себе в вину”, что в некоторых местах высказывает положения, “уже обнародованные ранее”, – то ли им самим, то ли другими лицами. Действительно, “положение”, “обнародованное” ранее гарвардским профессором, составитель высказывает не в первый раз. Лет за 15 до появления на свет “очерков” он написал в одной из своих вполне научных статей во вполне научном издании, что русь X в. походила на “European colonial companies of modern times equipped with its own administration, military forces, laws and its own aborigines to exploit”¹⁵. Как читатель уже догадался, – безо всякого упоминания имени Р. Пайпса.

Налицо – рецидив, сознательно себе позволенный ради убедительности собственной версии истории и убежденности читателя в ее самостоятельности. Здесь сравнение руси с торговой компанией Нового времени – не просто положение, “обнародованное ранее” Р. Пайпсом. Это фундаментальная гипотеза, характеризующая специфику первой восточноевропейской политики, состоящую в конкуренции различных групп скандинавов – волжской, днепровской, полоцкой, возможно, других – и поиске “тонкого баланса между насилием и взаимовыгодным обменом” с “туземцами”. Вследствие этого политическая власть в Восточной Европе возникает не как итог эволюции традиционных общественных институтов, но как результат преобразования экономического и организационного доминирования одной из групп скандинавских работорговцев – киевской – в политическое господство, как об этом уже написал О. Прицак.

Это не единственная попытка на страницах “очерков” вписать русов в известные исторические модели. Чуть позже русь X в. превращается из торговой компании во “фронтирное сообщество”. Читатель должен знать – здесь это не просто расхожий методологический концепт, а лишенная авторства “цитата”, перенесенная из истории американской цивилизации, похоже, недолюбиваемой составителем, в варварскую среду Восточной Европы. “Отцом” теории фронтирного сообщества был Фредерик Тернер (1861–1932)¹⁶, вновь не

исхождения” древнерусского государства, повезло больше: по признанию составителя его “очерки” “концептуально примыкают” к “представлениям” московского исследователя.

¹⁴ Пайпс Р. Россия при старом режиме / Пер. с англ. В. Козловского. 4-е изд. – Москва, 2012.

¹⁵ Tolochko O. *Kievan Rus around the Year 1000 // Europe around the Year 1000 / P. Urbanczyk (ed.). – Warszawa, 2001. – P. 123–140 (here p. 131).*

¹⁶ Turner F. J. *The significance of the frontier in American history // March of America facsimile series; 100. – Ann Arbor, 1966 (1st ed.,*

удостоенный ни ссылки, ни упоминания. Такое умолчание вполне объяснимо, поскольку призвано скрыть *contradictio in terminis*. История знает торговые компании и фронтирные сообщества как два различных этапа освоения Америки, однако желание сделать “черчки” запоминающимся заставило пренебречь хронологической последовательностью, эксплуатируя ресурсы сразу двух ярких исторических образов. В то же время, попытка поместить раннесредневековые аналогии “торговым ассоциациям” в узкие социально-географические рамки уничтожает присущую их прототипам неотъемлемую бинарность, предполагавшую наличие не только “колонии”, но и “метрополии”.

Внимание к социальной истории заставляет логику изложения “черчков” обойти сложность этногенетических процессов в Восточной Европе X в., населив их этническими химерами. Группы русов, которые средневековым авторам казались этносом, согласно составителю, были социумом, демонстрирующим “хамелеоноподобную” способность приспосабливаться к новому окружению и интегрироваться в него. В этом процессе “русь” оказывается лишь временной формой скандинавской идентичности, сознательно конструируемой в славянском лингвистическом окружении на восточноевропейской почве: скандинав “черчков” становится русом, отправляясь для коммерческих и военных предприятий на Восток, и вновь принимает скандинавское обличье по возвращении домой.

Эта удивительная статичность восприятия руси вновь не является авторской. Она транслируется из англо-саксонской историографии¹⁷, причем не только составителем, но и прочими, зависящими от ее представителей. Эта зависимость побуждает их утверждать, будто-бы “until the 11th century the word Rus’ still referred to Scandinavians and was then replaced by the word Varangians”¹⁸.

Вместе с тем, памятники IX–XI вв. позволяют увидеть русь как этносоциум в контексте присущей ему полисемии¹⁹. Эта русь оказывается одним из самых динамичных явлений истории раннесредневековой Восточной Европы эпохи, когда социальное легко трансформировалось в этническое, и наоборот. Это не утаилось от летописца, который не просто воспроизводил собранные легенды и тексты, но, подобно Дудону Сен-Кантанскому, задумывался над их содержанием, выражая свое отношение к ним согласно свойственной его эпохе манере. Вследствие такого “прото-антропологического” подхода русь сначала превращается на страницах летописи из рода варяжского конунга в полиэтничное княжеское окружение, а затем становится одним из восточнославянских этносов²⁰.

На этом фоне представления об этнической инертности руси, превращающие ее в экстерриториальный анклав, отчужденный от восточнославянской среды, оказываются анахронизмом. В отличие от “торговых компаний” Нового Времени, отделенных от “туземцев” цивилизационным барьером, русы в действительности

1894); *Ejusdem*. The frontier in American history. – New York, 1996 (1st ed., 1920).

¹⁷ См., например: *Franklin S., Shepard J.* The emergence of Rus, 750–1200. – London, 1996. Рус. перевод см.: *Франклин С., Шепард Дж.* Начало Руси: 750–1200 / Д. М. Буланин (ред.), Д. М. Буланин, Н. Л. Лужецкая (авториз. пер. с англ.). – Санкт-Петербург, 2000 (2-е изд., 2009).

¹⁸ *Androshchuk F.* The Vikings in the East // *The Viking World* / S. Brink, N. Price (eds.). – London, 2008. – P. 517–542 (here p. 533).

¹⁹ Этот феномен хорошо разъяснен в: *Мельникова Е. А., Петрухин В. Я.* Название “русь” в этнокультурной истории древнерусского государства (IX–X вв.) // *Вопросы истории*. – Москва, 1989. – № 8. – С. 24–38.

²⁰ *Лаврентьевская летопись* // Полное собрание русских летописей (далее – ПСРЛ). – Москва, 2001. – Т. 1. – Стб. 19, 20 (6370 [862]), 23 (6390 [882]), 25–26 (6406 [898]); *Ипатьевская летопись* // ПСРЛ. – Москва, 1998. – Т. 2. – Стб. 14 (6370 [862]), 17 (6390 [882]), 20 (6406 [898]).

оказываются не столько скандинавами, сколько результатом взаимодействия славян и скандинавов на Восточном пути, никак не сводившимся к продаже в рабство первых вторыми. Отсутствие непроницаемых перегородок между восточноевропейскими этническими и социальными группами было хорошо различимо для современников, писавших, что “много людей из славян приходят к русам и служат им, чтобы этой службой обезопасить себя”²¹. Результатом такой “безопасной службы” становилось не поглощение или ассимиляция скандинавов славянами²², а их аккультурация. Этот феномен хорошо известен археологической культуре X в. Он предполагает появление материальных форм новой идентичности, уже не скандинавской и в некотором роде – даже не славянской, несмотря на то, что потомки северных переселенцев по прошествии некоторого времени предпочли называть себя в Восточной Европе – славянами, а в Западной – франками²³.

Несмотря на предпочтение составителем “очерков” арабских сочинений другим текстам, подобным известий читатель здесь не встретит: они не вписываются в предлагаемые аналогии. Историю руси как “почтенной торговой компании” только и возможно писать в жанре источниковедческой избирательности, снимающем с автора ответственность за полноту привлекаемых памятников и обоснование своего согласия с чужими выводами. В награду читателю достается картинка: иногда в чем-то достоверная, иногда завораживающая ретроспективным виражом, но неизменно скользкая по поверхности исторических текстов, где их анализ подменяется пересказом чужих мыслей, почерпнутых из чужих книг. Нельзя не обратить внимания на саморазоблачающую откровенность составителя – он сделал эпиграфом к своим “очеркам” целую страницу из романа Виктора Петрова (1894–1969) “Без грунта”, подписанного, по определению, чужим именем – псевдонимом Виктор Домонтович.

Отказав летописи в праве быть источником по начальной истории руси, составитель “очерков” естественным образом оказался заложником иной языковой среды, даже графика которой ему совершенно чужда, – среды арабских средневековых сочинений. Труды арабских авторов, по его мнению, содержат “достоверные сведения” в отличие от “совершенно фиктивных рассказов летописи” и ее “вымышленной хронологии”. К таким “достоверным сведениям” отнесено известие Ибн Хаукаля, сообщенное под 358 г. х. (968/969 гг.), об имевшем место разгроме Хазарии русами. Здесь, как и везде в исследованиях арабской историографии, различие прочтений древнего текста находит отражение в обширной научной дискуссии, предполагающей внимательное отношение честного исследователя-неарабиста к разногласиям ее положений и стремление познакомить с ней читателя. При знакомстве с ней становится известно, что, например, Василий Бартольд (1869–1930) считал указанный Ибн Хаукалем год всего лишь годом, когда тот находился в Джурджане, где и получил информацию о походе, состоявшемся за несколько лет до этого, не исключено, что и в 965 г.²⁴

²¹ Бартольд В. В. Извлечение из сочинения Гардизи Зайн ал-ахбар. Приложение к “Отчету о поездке в Среднюю Азию с научной целью. 1893–1894 гг.” // Его же. Сочинения: В 9 т. / Б. Г. Гафуров (пред. ред. кол.). – Москва, 1973. – Т. 8: Работы по источниковедению. – С. 23–62 (здесь с. 60).

²² Пресняков А. Е. Княжое право... – С. 319.

²³ О феномене аккультурации скандинавов на Западе и на Востоке Европы см.

наше издание: *Vers l’Orient et vers l’Occident: regards croisés sur dynamiques et les transferts culturels des Vikings à la Rous ancienne / P. Bauduin, A. Musin (dir.). – Caen, 2014.*

²⁴ Бартольд В. В. Арабские известия о русах // Его же. Сочинения: В 9 томах / Б. Г. Гафуров (пред. ред. кол.). – Москва, 1963. – Т. 2, ч. 1: Общие работы по истории Средней Азии; Работы по истории Средней Азии; Работы по истории Кавказа

Впрочем, не все арабские авторы для составителя “очерков” одинаково достоверны. Дабы ощутить под собою “грунт” в избирательном цитировании, составитель апеллирует к, как ему кажется, “довольно почтенной традиции” критического отношения к тексту Ибн Фадлана, якобы забытой в новейшей историографии. Следует ссылка на Александра Спицына (1858–1931), не только отрицавшего значение писаний арабского дипломата как исторического источника, но даже сам факт его поездки на Волгу²⁵. Без сомнения, “автору осталось известно”: поверхностная и дилетантская статья А. Спицына, написанная без знакомства с литературой предмета на основании лишь частично изданного тогда сочинения Ибн Фадлана, сегодня оцениваемая как слабая и неудачная, встретила весьма решительную отповедь со стороны специалистов, например, Владимира Тизенгаузена (1825–1902)²⁶.

Признаю неправомочность написанного несколькими строками выше, что составитель “очерков” оказался заложником арабских авторов. В действительности он стал заложником их интерпретаций, рассыпанных в трудах наших современников. Многие из написанного о русах, непосредственно позаимствовано из комментариев Андрея Ковалевского (1895–1969) к записке Ибн Фадлана, причем, похоже, из обоих изданий²⁷, различия между которыми оставлены без внимания. Если имя А. Ковалевского и встречается единожды на страницах книги, то его коллегам повезло меньше. Татьяна Калинина и Олег Большаков с их трудами²⁸, как и Р. Пайпс с его идеями, удостоились лишь чести стать безымянным ресурсом, эксплуатируемым в “очерках”. Основным же “арабским источником”, похоже, оказалась статья кембриджского профессора Джеймса Монтгомери²⁹, целых три раза упомянутая на страницах книги, некогда труднодоступная, но сегодня встречающаяся на просторах Сети.

Если образы русов, созданные по подобию чужих трудов, логично анонимны, то в отношении к славянам нельзя не заметить известную “куртуазность” составителя. Впрочем, связана она не с нормами придворного поведения былых веков, допускавшими некоторую фривольность, а с вольностью в обращении с древними текстами и памятниками, ассоциируемой сегодня с именем американского медиевиста Флорина Курты. Как редкая птица долетит до середины

и Восточной Европы. – С. 810–858 (здесь с. 849–850).

²⁵ Спицын А. А. О степени достоверности “Записки” ибн-Фадлана // Записки Императорского Русского археологического общества. Новая серия. – Санкт-Петербург, 1899. – Т. 11, вып. 1–2. – С. 161–166.

²⁶ Тизенгаузен В. Г. В защиту ибн-Фадлана // Записки Восточного отделения Императорского Русского археологического общества. – Санкт-Петербург, 1900. – Т. 13. – С. 024–032. См. также: Медведева М. В., Мусин А. Е., Тихонов И. Л., Всевиов Л. М. Очерк истории деятельности Императорской археологической комиссии в 1859–1917 гг. // Императорская Археологическая Комиссия (1859–1917): К 150-летию со дня основания. У истоков отечественной археологии и охраны культурного наследия / Е. Н. Носов (общ. ред.), А. Е. Мусин (ред.-сост.). – Санкт-Петербург, 2009. – Т. 1. – С. 21–247 (здесь с. 177).

²⁷ Путешествие Ибн-Фадлана на Волгу / А. П. Ковалевский (пер., комм.), И. Ю. Крачковский (ред.). – Москва; Ленинград, 1939; Ковалевский А. П. Книга Ахмеда ибн-Фадлана о его путешествии на Волгу в 921–922 гг.: статьи, переводы и комментарии. – Харьков, 1956. Составитель ссылается лишь на одно из них.

²⁸ Калинина Т. М. Термин “люди дома” (“ахл ал-байт”) у Ибн Фадлана по отношению к обществу русов // Древнейшие государства Восточной Европы: материалы и исследования. 1992–1993 годы / А. П. Новосельцев (ред.). – Москва, 1995. – С. 134–139; Большаков О. Г. Уточнения к переводу “Записки” Ибн Фадлана // Древнейшие государства Восточной Европы. 1998 г. Памяти чл.-кор. РАН А. П. Новосельцева / Т. М. Калинина (ред.). – Москва, 2000. – С. 54–63.

²⁹ Montgomery J. E. Ibn Fadlān and the Rūsiyyah // Journal of Arabic and Islamic Studies. – Edinburgh, 2000. – Vol. 3. – P. 1–25.

Днепра, так редкий почитатель пост-процессуализма флоридского профессора пройдет мимо финальной фразы его книги, посвященной “созданию славян”, о том, что никакие “славяне” не называли себя этим именем, появление которого стало результатом не столько этногенеза, сколько изобретательности византийских авторов, закрепленной Повестью временных лет³⁰. При этом сам Ф. Курта ради доказательства своей правоты ссылается на... английский перевод начальной летописи, принадлежащий Самуэлю Кроссу и Ольгерду Щербович-Вечору, перевод, который оставляет желать лучшего понимания древнерусского текста и, в особенности, этого конкретного пассажа, ставшего жертвой омонимичности понятия “славянский язык” в средневековой культуре³¹.

Оценка писаний Ф. Курты, в частности – археологических, давалась неоднократно³². Его знания ограничены знанием языков, а этногенетические подходы колеблются от конструктивизма для одних до примордиализма для других. Даже апологеты вынуждены признать, что прочтение его сочинений вызывает неизбежные актуальные коннотации, связанные с опрокинутыми в прошлое попытками освободить Карпато-Дунайский регион от славянского этногенеза во имя иной национальной истории. “I don’t believe, – пишет один из них, – that his own Romanian origins have anything to do with Florin Curta’s more recent championing of the zone between the Carpathians and the Danube”³³.

Для современной ученой “куртуазности” характерно сознательное манипулирование текстами, предпочтение историографии историческим сочинениям и жонглирование терминами и подходами. Ф. Курта становится для составителя “очерков” одним из “источников и составных частей” собственной концепции, вполне в марксистском понимании этого топоса, т.е. догматически. Представления Ф. Курты о фиктивности раннеславянского этногенеза, увенчанные ссылкой на некачественный перевод Повести временных лет, послужили

³⁰ “The making of the Slavs was less a matter of ethnogenesis and more one of invention, imagining and labeling by Byzantine authors... That no ‘Slavs’ called themselves by this name not only indicates that no group took on the label imposed by outsiders, but also suggests that this label was more a pedantic construction than the result of systematic interaction across ethnic boundaries. The first clear statement that ‘we are Slavs’ comes from the twelfth-century Russian Primary Chronicle. With this chronicle, however, the making of the Slavs ends and another story begins: that of their “national” use for claims to ancestry”. Cf.: *Curta F.* The Making of the Slavs: History and Archaeology of the Lower Danube Region c. 500–700 // Cambridge studies in medieval life and thought. – Cambridge, 2001. – [Vol.] 4/52. – P. 349–350. Похоже, что эта ссылка понадобилась составителю, дабы подтвердить свой вердикт Повести временных лет как тексту, конструирующему, а не описывающему историю.

³¹ The Russian primary chronicle: Laurentian Text / S. H. Cross, O. P. Sherbowitz-Wetzor (eds.) // The Mediaeval Academy of America. Publication. – Cambridge (Mass.), 1953. – Vol. 60. – P. 63 (6396–6406 [888–898]).

³² *Brather S. Rez.:* Florin Curta, The making of the Slavs. History and archaeology of the Lower Danube Region, c. 500–700. Cambridge studies in medieval life and thought 4/52 (Cambridge 2001) // Ethnographisch-archäologische Zeitschrift. – Leipzig, 2003. – Bd. 44. – S. 311–316; *Fusek G.* Slawen’ oder Slawen? Eine polemische Auseinandersetzung über eine wertvolle Monographie // Slovenská Archeológia. – Nitra, 2004. – T. 52, No. 1. – S. 161–186; *Иванов С. А.* “В тени Юстиниановых крепостей”? Ф. Курта и парадоксы раннеславянской этничности // *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana.* – Санкт-Петербург, 2008. – № 2(4). – С. 5–12; *Turlej S.* Justynian i poczatk Slowian. Uwagi na temat teorii Florina Curty // *Zeszyty Naukowe Uniwersytetu Jagiellońskiego: Prace historyczne.* – Kraków, 2010. – T. 137. – S. 11–19.

³³ *Heather P.* Empires and Barbarians: The Fall of Rome and the Birth of Europe. – Oxford, 2010. – P. 479. Ср.: *Heather P.* Invasion der Barbaren: Die Entstehung Europas im ersten Jahrtausend nach Christus. – Stuttgart, 2011. – S. 353 (“Ich glaube nicht dass Florin Curta deswegen für das Gebiet zwischen Karpaten und Donau [als Urheimat der Slawen – A. M.] eintritt, weil er rumänischer Abstammung ist”).

составителю основой для интерполяции этого подхода на историю славянства в Восточной Европе без учета специфики основного памятника, запечатлевшего этот процесс. Чуть более столетия назад, церковный историк и профессор Петербургской духовной академии Василий Болотов (1854–1900) предупреждал о нравственном императиве подобных ситуаций: “Мы должны предполагать, что автор *знал и хотел* рассказать истину, а не ставить скептически с первого же слова вопрос о возможности и желании автора сообщить истину. Этот вопрос уместен в том случае, когда в самом документе есть для него основание”³⁴.

Все сказанное относится не только к свеженапечатанным “очеркам”, являющимся гимном методологической капитуляции перед нарративом вместо его адекватного прочтения и апологией избирательного отношения к письменным памятникам, разделяющего их на “достоверные” и “недостоверные”, вместо простого объяснения разногласия древних текстов. Это имеет отношение также к манере обращения с историческими памятниками, свойственной составителю “очерков” вообще. Лучшее определение для такого отношения – “окамененное нечувствие”, удивительный по емкости гимнографический образ свт. Иоанна Златоуста. В данном случае речь должна идти о нечувствии к истории слова, его роли в средневековом тексте. Так, в свое время составитель приписал термин “племя” тезаурусу древнерусского летописца и даже привел его в старославянской графике, а будучи уличен в некорректности, не посчитал нужным извиниться перед читателем³⁵.

Это не единственный “слововедческий” казус ученой карьеры. Так, некогда рассуждая об идеологии власти в Древней Руси, составитель обратил внимание на слово “причастие”, встречающееся в летописи несколько раз, с помощью которого Рюриковичи описывали свое отношение к Русьской земле³⁶. Сопоставив средневековое слово с его современным значением, связанным с причащением верующих во время литургии, составитель посчитал его летописное использование наделенным схожим евхаристическим и экклезиологическим смыслом. Это породило псевдобогословские спекуляции о княжеской семье, воспринимавшейся ее членами как “единое тело” наподобие Тела Церкви. Летописное “причастие” князей Русьской земле в рамках этих спекуляций уподоблялось соучастию в Крестной Жертве Христа, приобщающей их к “телу-семье-земле”³⁷.

³⁴ Болотов В. В. Лекции по истории древней Церкви / Посмертное изд. под ред. А. И. Бриллиантова: В 4 т. – Санкт-Петербург, 1907. – Т. 1. – С. 20.

³⁵ Толочко А. А. Воображенная народность // *Ruthenica*. – Київ, 2002. – Т. 1. – С. 112–117. *Ejusdem*. The Primary Chronicle’s “Ethnography” Revisited: Slavs and Varangians in the Middle Dnieper and the Origin of Rud’ State // *Franks, Northmen, and Slavs: Identities and State Formation in Early Medieval Europe* / I. Garipzanov, P. Geary, P. Urbańczyk (eds.). – Turnhout, 2007. – P. 169–188. Показательно, что развернутый текст о “летописном происхождении” термина “племя” был опубликован в англоязычной статье, априорно рассчитанной на читателя, не в полной мере владеющего как самим источником, так и литературой предмета. Критические заме-

чания см. в: Лукин П. В. Восточнославянские “племена” и их князья: конструирование истории в Древней Руси // *Предания и мифы о происхождении власти эпохи Средневековья и раннего Нового времени. Материалы конференции “Славяне и их соседи”* (XXV конференция, Москва, 2010 г.) / Б. Н. Флоря (отв. ред.). – Москва, 2010. – С. 83–89; Щавелев А. С. Славянские “племена” Восточной Европы X – первой половины XI века: аутентификация, локализация и хронология // *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana*. – Санкт-Петербург, 2015. – № 2. – С. 99–113.

³⁶ Лаврентьевская летопись. – Стб. 200 (6586 [1078]), 321 (6657 [1149]); Ипатьевская летопись. – Стб. 192 (6586 [1149]).

³⁷ Толочко О. П. Русь: держава і образ держави // *Історичні зошити*. – Київ, 1994. – С. 16, 22, 23, 24–27, 35 (прим. 87).

Предполагаемый узус составитель постарался подкрепить обращением к материалам словаря древнерусского языка, собранным Измаилом Срезневским, однако вынес из знакомства с ними лишь убеждение в собственной правоте, а именно, что данное слово в Древней Руси имело преимущественное отношение к церковному Таинству. При этом сам И. Срезневский был высокомерно обвинен в позитивизме, поскольку иные приведенные в словаре интерпретации оказались расценены как уступка сознанию XIX в., якобы не связанная с попыткой понимания изначального смысла термина, открывшегося составителю.

Самостоятельное обращение к собранным И. Срезневским памятникам подтверждает правоту исследователя, а не нашего современника. Для домонгольского периода приоритетным значением слова “причастие” оказывается “присоединение, приобщение, соотношение, связь” и, что чрезвычайно важно для понимания летописного оборота, – “судьба, участь, жребий, наследие, наследство, доля, удел”³⁸. В этой связи стоит считать важным смысловым уточнением летописного термина демонстративную замену “причастия” на “часть” в соответствующих статьях Киевского свода³⁹.

Для обозначения причастия как соучастия в Евхаристии в ту эпоху существовал иной, заимствованный из латыни, термин – “комъкание / комкание” в значении *communio / sacrae eucharistiae perceptio*. Именно им описывается Таинство в памятниках XI–XII вв., в том числе княжеских Изборниках, Ефремовской кормчей, богослужебных текстах⁴⁰. Единичные случаи употребления слова “причастие” с литургическими коннотациями среди ранних памятников (например, Синайский патерик) являются строгими исключениями. Лишь начиная с эпохи св. митрополита Киприана, а именно с 1390-х годов, т.е. в контексте второго южнославянского влияния, восточноевропейский обиход начинает воспринимать современный церковный смысл слова “причастие”...

Некогда Николай Костомаров (1817–1885), предвзявляя свой “Очерк домашней жизни и нравов великорусского народа”, написал: “Есть... масса публики, погруженная в занятия, которые лишают ее и времени, и средств, чтобы обращаться к чтению ученых исследований, решающих тот или другой вопрос прошедшей русской жизни... Для этого класса читающей публики я предпринял составить очерк прошедшей русской жизни во всех ее видах”⁴¹. Сегодня класс читающей публики иной. Встречающиеся в Сети отзывы на “очерки” выражают известную гамму чувств – от восхищения “смелостью аналогий” и “великолепными страницами”, сравнивающими деятельность русов IX–X вв. с “компанией Гудзонова залива” (очевидно, что круг чтения автора этого комментария ограничен, с книгой Р. Пайпса он не знаком), до “изрядного разочарования” “имитацией ученой работы” и “научным недостроем”. Скорость получения и освоения современной информации несопоставимы с обстоятельствами жизни XIX в., однако составитель “новых очерков” всецело положился на традицию, согласно которой читатели, как и в XIX в., по слову поэта, “ленивы и не любопытны”.

Оказалось, это не так, и тот же поэт много лет назад предсказал судьбу нынешних “очерков”. Выяснить, откуда “растут уши”, и какие из них принадлежат составителю, а какие – нет, оказалось не сложно. Пафосная попытка освободиться от одной историографической традиции, основанной на доверии к нарративным

³⁸ Срезневский И. И. Словарь древнерусского языка. – Москва, 1989. – Т. 2, ч. 2: П. – Ст. 1490–1492.

³⁹ Ипатьевская летопись. – Стб. 374 (6657

[1149]), 683 (6703 [1195]), 701 (6704 [1196]).

⁴⁰ Срезневский И. И. Словарь древнерусского языка. – Москва, 1989. – Т. 1, ч. 2: Е–К. – Ст. 1266–1267.

памятникам, обернулась зависимостью от другого набора догматизированных ученых представлений. Также выяснилось лукавство утверждения, будто книга – не научная монография. Перед нами – самая настоящая научная публикация, носящая пилотный характер, вследствие чего снабженная облегченным научным аппаратом. Цель подобных изданий очевидна – подготовить почву, призванную впоследствии облегчить обществу и сообществу принятие нового образа восточноевропейской истории, навязываемого усилиями составителя.

По сути “очерки” являются своеобразной энциклопедией, суммирующей гипотезы, догадки, предрассудки, касающиеся Восточной Европы и блуждающие страницами современной историографии. Ценность такой *summa historiographica* могла бы заключаться в скрупулезном указании на авторство и источник того или иного историографического мнения. Однако составитель осознанно отказался от построения полноценной системы ссылок ради создания видимости собственных аналитических усилий, где, впрочем, решение исторической проблемы подменено ее постановкой, а критический анализ древних текстов замещен их тенденциозным пересказом.

В этой связи крайне неприятна дискредитация публикацией “очерков” такого перспективного направления исследований, как выявление и объяснение специфики ранних восточноевропейских политических образований, связанной с функцией контроля над торговыми путями и пунктами обмена, а также превращением “союза архонтов” русско-византийских договоров – “ярлов под рукою киевского конунга”⁴² – в патримониум Рюриковичей. Бесцеремонное вторжение в эту чувствительную для современного общества область, очевидная поверхностность суждений наряду с присвоением себе чужих заслуг способны лишь усилить позиции сторонников существования “государства Российского”, единого и сильного уже в X в.

Присущая таким взглядам модернизация истории, усиленная реакцией на некачественный научный продукт, вступает в конфликт с более объективным, “полицентрическим” взглядом на Восточную Европу, где социально-политическая модель, созданная на территории Среднего Поднепровья “разбойничьей” торгово-промышленной колонией варягов”, воспроизводила себя на иных землях соответственно мере и степени распространения здесь влияния Рюриковичей и связанной с ними руси. Эти архаические особенности не только активно давали себя знать в политической жизни Восточной Европы⁴³ вплоть до правления Владимира Мономаха (1113–1125), своей политикой *imitatio imperii* попытавшегося положить им конец, но и до сих пор сказываются в траекториях развития восточноевропейских народов как их родовой “path dependence”⁴⁴.

Перечисленные особенности неминуемо подводят читателя к необходимости ответить на вопрос – в чем состоит настоящий смысл публикации “очерков”

⁴¹ Костомаров Н. И. Очерк домашней жизни и нравов великорусского народа в XVI и XVII столетиях. – Санкт-Петербург, 1860. – С. 5–6.

⁴² Об этом см., в частности: Грушевський М. Історія України-Руси. – Київ, 1913. – Т. 1. – С. 424–426. Ср. оценку исторической ситуации в: Приселков М. Д. Киевское государство второй половины X в. по византийским источникам // Ученые записки Ленинградского государственного университета. Серия исторических наук. – Ленинград, 1941. –

Вып. 8, № 73 (1940). – С. 232–242; Soloviev A. V. L'organisation de l'Etat russe au Xe siècle // L'Europe aux IXe–XIe siècles: Aux origines des États nationaux / T. Manteuffel, A. Gieysztor (dir.). – Varsovie, 1968. – P. 249–268.

⁴³ Ср.: Pipes R. Russia under the Old regime. – P. 34.

⁴⁴ Описание исторического явления и его характеристика в: North D. Institutions, Institutional Change and Economic Performance. – Cambridge, 1990.

именно сейчас, хотя составлены они были много лет назад? Стоит начать с того, что эта публикация – не изолированное явление, в том числе и от быстротекущего времени. Не будучи сторонником “теории заговора”, не могу не отметить относительную синхронность появления “очерков начальной руси” Алексея Петровича Толочко и размышлений Петра Петровича Толочко на тему “откуда пошла Русская земля”⁴⁵. Обе книги в определенной степени подводят итог интеллектуального развития двух членов (действительного члена и члена-корреспондента) Национальной академии наук, ревниво оберегая “родовой сюзеренитет” их авторов над раннеукраинской историей, как некогда Рюриковичи, согласно ученому мнению, оберегали свое право на коллективное обладание Русьской землей⁴⁶.

В конце концов, “феномен Толочко” в восточноевропейской историографии – это явление стиля, не содержания, вернее, двух разных стилей. Оба автора по-своему стремятся утвердить их в общественном дискурсе русско-читающей Украины, апеллируя при этом к обществу иному кругу читателей. Старший стиль – академический официоз, состоящий в воспроизведении традиционного набора высочайше утвержденных и общепринятых положений. За младшим скрывается стремление к оригинальности и начитанность иностранными сочинениями, малоизвестными читателю. Признание младшего стиля полагается в получении зарубежных грантов и приглашений на международные конференции, тогда как старшей стилистке соответствует почетное докторство в различных институциях, невзирая на обстоятельства его получения, иногда противоречащие уставам этих институций, даже этическим нормам, принятым в научном сообществе.

Казалось бы, два стиля совершенно различны: один любит писать, другой подписывать. Однако они оказываются родственными (неизбежная игра слов!), обретая свои истоки в неререформируемой системе советской академии. Оказалось, начальственная привычка академических чиновников советского времени ставить свое имя на чужих трудах может обрести новую жизнь в постсоветских поколениях академиков, великодушно позволяющих себе безмянно эксплуатировать чужие идеи и аналогии. Либеральность стиля младшего образца – всего лишь видимость, за которой скрывается присущая старшей стилистике мертвящая безапелляционность, искусственность ученых суждений и практик, оставляющих после себя пепелище средневековой истории и археологии, где не стоит ожидать скорого появления свежих побегов даже после недавних административных изменений.

Иногда считается, что стиль – явление вкуса, а о вкусах вроде бы не спорят. Это не так. Стиль напрямую связан ситуацией времени. Он является ответом на вызовы эпохи. Четверть века назад американский историк византийского искусства Томас Метьюз произвел скандал в благородном семействе “высоколобых” искусствоведов. Поставив под сомнение влияние римской императорской идеологии на раннюю христианскую иконографию, он посчитал, что сторонники подобного подхода – Андрэ Грабар (1896–1990), Эрнст Канторович

⁴⁵ Толочко П. П. Откуда пошла Русская земля. – Киев, 2016. – 292 с.

⁴⁶ Попытки утвердить такой “родовой сюзеренитет” имели место и раньше, см., напр.: Толочко О. П., Толочко П. П. Київська Русь // Україна кризь віки. – Київ, 1998. – Т. 4. И уж совсем “по-семейному” выглядит оценка трудов

одного соавтора другим как “наиболее обстоятельного исследования” (в данном случае – темы княжеской власти) за последние 100 лет. См.: Толочко П. П. Власть в Древней Руси X–XIII вв. – Санкт-Петербург, 2011. – С. 12 (о книге: Толочко А. П. Князь в Древней Руси: власть, собственность, идеология. – Киев, 1992).

(1895–1963) и Андреас Альфольди (1895–1981) – сверстники с точностью до года и выходцы из рухнувших империй XX в. – российской и австро-венгерской, сконструировали его в состоянии ностальгии по былому величию своих держав. При этом он заметил, что “the need to interpret Christ as an Emperor tells us more about the historians involved than it does about Early Christian art”⁴⁷.

Действительно, нельзя не признать, что личность историка и его отношение к современности в определенной степени, иногда больше, чем это позволяет источниковедческий труд, отражается его сочинениями. В этом смысле складывавшиеся годами, но опубликованные почти одновременно “очерки” украинских историков двух поколений – не исключение. По своей сути обе книги – общественно-политические манифесты, увидевшие свет в критический момент истории Украинского государства и нации. Они отражают представления их авторов-составителей о текущем моменте, а также будущем Украины.

Один манифест – безусловно имперский, при этом совершенно не важно, где полагается столица империи – в Киеве или в Москве. В его основе – торжествующий этатизм, истоки которого прослеживаются автором уже в далеком X в., растворяющий в себе и личность гражданина, и гражданские нации как личности коллективные.

Второй манифест – либерально-космополитический, протестующий против всепоглощающего государства и этничности, навязываемой националистами XXI в. В том мире броуновского движения конкурирующих банд торговой руси, который сконструировал составитель “очерков”, нет места ни этносу, ни государству. Этот протест сполна отразил избранный для книги эпитаф, автор которого предстает в своей судьбе как “человек-химера”, деятель украинского национального возрождения в оккупации и эмиграции и большевистский шпион-“крот”, основоположник украинского интеллектуального романа и критик автохтонной теории происхождения украинского народа. Очевидно, основные идеи его книги про “беспочвенность” скандинавов в Восточной Европе и конунгов, бывших одинаково “грабителями, работоторговцами, лавочниками и купцами”, вполне созвучны отношению киевского интеллектуала к “хозяевам жизни” сегодняшней Украины. Характерные для подобного протеста идеи приоритета человеческой личности перед нацией и государством не могут быть чужды думающему современнику; вопрос лишь в том, насколько их манифестация уместна в то время, когда на кону политической игры в историю стоит существование нации и государства как таковых?

Здесь стоит остановиться. Полемизировать с эрудированным “фристайлом”, превращенным в общественно-политический манифест, бессмысленно: составитель “очерков начальной руси” затащит оппонента на собственный уровень “видения истории”, где задавит личным опытом. Можно лишь предупредить читателя о нечестностях новой книги, да пожалеть, что верное ощущение особенностей ранней политики Восточной Европы, некогда намеченных другими исследователями, оказалось опошленным.

Не так давно я высказался по поводу сложения “новой киевской школы истории Древней Руси”⁴⁸. Такая школа действительно сложилась, и ей присущи

⁴⁷ Mathews Th. F. The clash of gods: a reinterpretation of early Christian art. – Princeton (N. J.), 1993. – P. 16.

⁴⁸ Мусин А. Е. Серьезная заявка историко-филологического направления новейшей

киевской школы истории Древней Руси. [Рец. на:] Вілкул Т. Літопис і хронограф. Студії з домонгольського кийського літописання / Відп. ред. В. В. Німчук. НАН України. Інститут історії України. – Київ: Інститут

важные объединяющие особенности. Однако в любой школе можно встретить разных по старательности учеников и разных по образованности преподавателей. Одни серьезно и самостоятельно работают над древними текстами, выявляя присущие им закономерности с помощью тщательно подготовленного научного аппарата, другие жонглируют невыверенной терминологией и позаимствованными по случаю историческими аналогиями, которые не в должной мере соответствуют доступным для изучения реалиям прошлого...

Вот собственно и все. Знакомство с книгой вызывает не прилив интеллектуальных сил, а недоуменные эмоции и массу ассоциаций в виде косвенных цитат и парафразов, по образу и подобию тех, что характерны для творческой манеры составителя "очерков". Последуем его словесным талантам. Новгородская летопись рассказывает: князь Ярослав после победы над Святополком отпустил новгородцев домой, "давь имъ правду, и уставъ списавъ, тако рекши имъ: "по сей грамоте ходите"⁴⁹. Составитель, какое-то время назад поделившись своими сомнениями в подлинности Краткой редакции Правды Руськой – "пропавшей" для науки грамоты, закончил их (сомнения) парафразом княжеского повеления: "по сей грамоте не ходите"⁵⁰. Судьба этой публикации породила обиду на коллег по историческому цеху, не пожелавших всерьез отнестись к авторским сомнениям, что сполна ощущается в комментариях к "первому обстоятельному отклику" на собственные соображения⁵¹. Впрочем, манера публиковать ответ на рецензию одновременно с самой рецензией, не оставляя читателю времени на раздумья, сполна характеризует отношение издателей альманаха к научной дискуссии.

Запечатленная здесь образность многозначна. "Пропавшая грамота" – это не только Николай Гоголь и представления Толочко-мл. о Руськой Правде. Это еще и утраченная "грамотность" как способность составителя "очерков" выражать свои мысли в соответствии с принятыми в ученом сообществе нормами, замещенная простой потребностью писать и стопкой писчей бумаги как средством самореализации.

Прочтение "очерков" вызывает в памяти и другую цитату, не летописную. Некогда Христос, предостерегая своих учеников от увлечения книжниками и фарисеями, сказал: "Итак все, что они велят вам соблюдать, соблюдайте...; по делам же их не поступайте" (Мф. 23: 3). Здесь будет кстати и другое речение Христово: "кто соблазнит одного из малых сих, ... тому лучше было бы, если бы повесили ему мельничный жернов на шею и потопили его во глубине морской" (Мф. 18: 6). Действительно, книга, не будучи аппетитной, оказывается соблазнительной, особенно для тех, кто не удосужился или не смог заранее познакомиться с набором историографических мнений, из которых сложен аляповато-причудливый конструктор "очерков". Она соблазняет яркостью образов, за которыми – методологическая пустота, создающая ложную убежденность в "легкости бытия" историка. Возвращаясь к цитатам, можно дать потенциальному читателю "очерков" совет вполне в духе их составителя: "Читать-то, конечно, его читайте, но по делам его не поступайте. И не пишите историю так, как это делает он".

історії України, 2015. – 518 с. // Княжа доба: історія і культура. – Львів, 2015. – Вип. 9: Король Данило Романович 1264–2014 / Відпов. ред. В. Александрович. – С. 290–310.

⁴⁹ Новгородская Первая летопись старшего и младшего изводов / А. Н. Насонов (ред.). – Москва; Ленинград, 1950. – С. 175–

176 (6524 [1016]).

⁵⁰ Толочко А. Краткая редакция Правды Руськой: история текста // *Ruthenica. Supplementum*. – Київ, 2009. – Т. 2. – С. 113.

⁵¹ *Его же*. Пропавшая грамота // *Ruthenica*. – Київ, 2014. – Т. 12. – С. 157–168 (здесь с. 157).

Единственное, на что может рассчитывать историк, – это признание за ним авторитета эксперта, способного разобраться в хитросплетениях прошлого, дошедших до нас в умолчаниях и противоречиях древних текстов или нагромождении старинных артефактов. Авторитет, создаваемый всю жизнь и уничтожаемый простыми “очерками” пера...

Інститут історії матеріальної культури РАН